

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЕВИЧ:

Без фанатизма в нашей профессии делать нечего

Сегодня Вячеслав ШАЛЕВИЧ, артист Театра имени Вахтангова с 45-летним стажем, режиссер, педагог, кинозвезда, отмечает свой 70-летний юбилей. Годы вместили многое: события радостные и трагические, громкие успехи и досадные неудачи, умение оставаться верным традициям и тягу к новому, необычному. Шалевич сам говорит, что никогда не переставал учиться. В последние годы он осваивает еще одно амплу — руководителя Театра имени Рубена Симонова, который ему очень хочется вывести на орбиту популярности, не потеряв при этом художественного достоинства. Вероятно, это получится, ведь пристрастие к педагогике появилось у будущего артиста еще в юные годы.

— Вячеслав Анатольевич, немногие знают, что изначально вы колебались в выборе профессии — быть ли вам актером или учителем? Откуда у юноши возникла любовь к педагогике?

— Должен сказать, что у меня в школе был великий педагог по литературе, Израиль Михайлович Шенкман. Его отличали своеобразные методы обучения. Он закрывал на стул дверь в класс и начинал урок обычно так: «Откройте учебник, «Отцы и дети», страницы 70 — 72. А теперь кто из вас скажет хоть слово из этого учебника, получит двойку». Ему было важно, чтобы мы прочли сам роман и поделились собственными мыслями, какими угодно. У нас в классе учился известный в будущем писатель Анатолий Гладилин. И он в одном из сочинений написал единственную фразу: «Лишние люди — это Тарзан и Евгений Онегин». Израиль Михайлович прочел это вслух и сказал: «А вот за это — 5!». А потом артистично и громко-гласно он начинал свои чудотворные лекции. Даже те, кто увлекался только математикой, сидели с открытыми ртами и внимали этому великому педагогу. Его, конечно, гоняли, ругали. Когда появились смешанные школы, он, как истинный мужчина, влюбился в десятиклассницу, женился на ней, из школы его выгнали. Такая вот интересная судьба. Вот он-то и влюбил меня в русскую литературу.

К тому же я был достаточно грамотным человеком. В седьмом классе мы стали дружить с женской школой, а летом моя любимая девушка уехала на дачу. И я поощадал ей писать каждый день. Что это значит? Сначала надо сочинить письмо, потом проверить по орфографическому словарю, чтобы не было ошибок, затем переписать набело. За лето я написал 51 письмо и, придя в восьмой класс, стал абсолютно грамотным.

Когда настал черед выбирать профессию, я, конечно, думал о театральному училище. Причем только о Щукинском, поскольку я родился во дворе Вахтанговского театра. Но перестраховался, что ли. Подал документы в педагогический, написал сочинение на 5. И одновременно сдавал экзамены в Щукинское. Где-то на втором туре ко мне подошел декан и спросил: «Де ваши документы?» — «В пединституте». — «Немедленно сюда!». По той заинтересованности, с которой он это произнес, я понял, что буду принят. И конечно, документы забрал. Вот так и определилось. Все — случай.

— Но любовь к педагогике у вас сохранилась, в чем-то реализовалась?

— Ну а как же? На нашем курсе мы делали много самостоятельных работ, потом дипломные спектакли, в том числе впервые в Москве поставили «Трех толстяков» Олеси. В первые годы актерства я присутствовал на вступительных экзаменах. Помню, был таким максималистом, что даже «не принял» Ольгу Яковлеву. Когда повзрослел, был приглашен стать председателем ГЭКА Щукинского училища. Но в этот момент режиссером училища стал Владимир Этуш. Я попытался сделать ему доклад, отчитаться по поводу того, что видел. Доклад, вероятно, ему не очень понравился. И больше меня в училище не пустили.

Зато пригласили в ГИТИС на очень странный и интересный факультет — эстрадный. Поскольку я был с эстрадой связан, много ездил и выступал, и первые какие-то антрепризы в свое время мы с Людми-

лой Целиковской придумали, я эту природу знал, хотя, может быть, не все в ней ведал. У нас был замечательный курс, откуда вышли такие разносторонние люди, как Игорь Бобрин, Клара Новикова, Валерий Гаркалин, Людмила Рюмина. Я никогда не занимался там постановкой «номеров». Я учил их школе — щукинской, вахтанговской. Наверное, это оказалось для них полезным.

— 45 лет вы прожили в одном театре. Сейчас это немодно, актеров манит свобода. Оглядываясь назад, вы не считаете себя в чем-то обделенным?

— Вы знаете, нет. Я вообще считаю, что стационарный театр — действительно достояние нашей страны. И это не просто громкие слова. Что такое истинный стационарный театр? Это тот, который следит за твоей биографией, ролями, эволюцией. Рубен Николаевич Симонов, которого я лично считаю своим крестным отцом, например, делал удивительные вещи. Он меня назначал, положил на роль Пчелки в «Стряпухе» Софронова. А эту роль в основном составе исполнял Юрий Яковлев. И режиссер мне сказал: «Вы такой же Пчелка, как я — крокодил». Я, конечно, бросился к Рубену Николаевичу с вопросом: «Зачем вы это делаете?» А он ответил: «Конечно, вы играть этого не будете. У Яковлева совсем другой дар и другой юмор. Но вам полезно посидеть на этом спектакле и посмотреть». За нами все время следили, чтобы мы разное играли, а не использовали только материал, отпущенный Богом. Я застал великий театр с великими актерами и получил такие уроки мастерства, наблюдая за ними. Один Николай Гриценко чего стоил, игравший и Мышкина, и Дон Жуана, и блестящие характерные роли, поражающие воображением.

Когда я сам стал заниматься режиссурой, то также использовал этот принцип. Я ставил спектакль «Тринадцатый председатель» и на роль председателя колхоза назначил Василия Ланового, который сыграл уже и Калафа, и Цезаря, успел закрепиться в амплу романтического героя. И Вася загорелся, играл блистательно, потому что это была новая сторона в его творчестве. И правила были другие. Даже мысль о том, чтобы играть в другом театре, считалась кощунственной. Правда, разрешалось сниматься, но с категорией на это произнес, я понял, что буду принят. И конечно, документы забрал. Вот так и определилось. Все — случай.

— А если наступало время простоев?

— Да, у меня был такой период в театре, когда мне не давали новых ролей. Я подумал: наверное, надо уходить. И в этот же момент меня вдруг приглашают в Театр имени Станиславского. Туда главным режиссером пришел Борис Львов-Анохин. У него возник конфликт с Евгением Урбанским, он позвал меня. Но я испытывал настоящий психологический ужас. Как подойти к Рубену Николаевичу и, глядя ему в глаза, сказать: «Я ухожу». Я пошел за советом к актрисе Ларисе Пашковой, которая нежно ко мне относилась. Она сказала: «Купи билет и пойдй посмотри театр как квартиру, в которой тебе предстоит жить». Я и в самом деле купил билет за два рубля, зашел в фойе, еле-еле противился мимо нагнувшихся зрителей, снимавших калаш, к большой лестнице... И на нее уже не поднялся, потому что понял — это не та квартира. Вернулся в Вахтанговский уже с легким сердцем, и буквально через несколько месяцев мне стали давать роли. Так

В. Шалевич

судьба сложилась. И потом, «артист Вахтанговского театра» — это как звание. Мы им гордились. Сегодня век повернулся в другую сторону. И наши замечательные таланты, родившиеся в этой школе, спокойно уходят в другие театры.

— И наверное, неслучайно. Мне почему-то кажется, что того постоянного внимания к артистам со стороны театра, заинтересованности в судьбе каждого заметного поубавилось.

— Да, это исчезло. Масса педагогов и актеров просто ушли из жизни, к сожалению. Вообще, Вахтанговский театр, с точки зрения своего фундамента, обнажился довольно резко, всего за какие-то 10 — 12 лет. Уходят традиции. После смерти Рубена Симонова театр принял его сын, Евгений Рубенович. Когда случилась неприятная история его ухода из театра, наверное, хорошо, что во главе Вахтанговского встал его «ребенок» — Михаил Ульянов. Правда, все наши быстро бросились в сторону и оставили его одного, беднягу, с жуткой формулировкой: без права постановки. Ну он и начал приглашать режиссеров. Актеры же в них влюбляются и бегут за ними в другие театры.

Мало того, появилось такое жуткое явление, когда каждого актера спрашивают: будешь ли ты это играть? Такого не было никогда. Назначение на роль считалось праздником. Сегодня масса артистов отказывается. Ульянов в этом плане теряется.

— Получается, что театральная традиция — это не постоянная величина, а личностная категория. Уходят личности — рушатся традиции?

— Несомненно. Помню, когда меня в составе пяти молодых артистов принимали в театр, все аплодировали нам, дарили гвоздики. И мы подумали: сейчас пойдем и отметим это дело. В этот момент подбежал к нам какой-то человек, схватил за руки и потащил к себе в кабинет. Это оказался директор музея театра, замечательный человек Александр Павлович Изиев. И полтора часа он нам, воспаленным от праздника молодым людям, рассказывал об истории театра, показывал реликвии. Праздновать мы, конечно, все равно пошли, но только потом оценили, какое это было мгновение, какой великий шаг. Как учили нас все вокруг! Все, даже не артисты. Я же помню, как встал вопрос об увольнении Василия Ливанова только за то, что он не поздоровался с заведующей костюмерным цехом. В театре, как в деревне, надо было со всеми здороваться, а Вася этого не знал и молча прошел мимо. Но ведь и великие артисты перед нами раскланивались и снимали шляпы. Как-то после спектакля меня ос-

тановил Михаил Астангов: «Я вас благодарю за монолог». А у меня была, между прочим, большая роль. Но он строго посмотрел и спросил: «Вы понимаете?» И я понял, что роль-то не сыграл, только монолог у меня и вышел. Вот это школа.

Или вот еще история. Я опоздал со съемкой, меня увольняли, а Рубен Николаевич вдруг взял молодого артиста на поруки. Что за странное положение? И на первом после отпуски художестве, где шло распределение ролей, Симонов сказал: «Дайте Шалевичу одну из главных ролей, у него плохое моральное состояние». Вот как они наказывали! Я начал репетировать и обо всем забыл. Мне уже не было стыдно входить в театр. Нет, такая школа откладывается на всю жизнь. А в общем, тот век был при нас, сегодня он отвернулся. И в этом ничего страшного нет. Хотя я считаю, что Вахтанговский театр за счет разноголосицы внутри даже нашего поколения очень многое теряет. Совсем недавно мы отмечали 105-ю годовщину со дня рождения Рубена Симонова, и Ульянов пригласил на чаепитие к себе в кабинет всех. Пришли только старики. Ни один из молодых артистов не зашел послушать о Рубене Николаевиче.

— Вы сами упомянули режиссерский вавилон, царящий ныне в Вахтанговском театре. Но что любопытно — вы, актер старшего поколения, не чувствуете работы с модными авангардистами вроде Владимира Мирзоева или начинающими постановщиками, в частности с Павлом Сафоновым. Вам это действительно интересно?

— Я считаю, что человек, а тем более артист, всегда должен учиться. С одной стороны, у нас ставил Петр Фоменко, и его «Без вины виноватые» стали великим спектаклем, потому что он всех нас перевернул. Он заставил и Людмилу Макакову, и Юлию Борисову, и Юрия Яковлева, и меня работать по-другому. И мы до сих пор это вспоминаем с благодарностью.

Когда меня пригласил Мирзоев на роль де Гиша в «Сирано», мне стало очень любопытно посмотреть на его работу изнутри. Если бы он позволил себе делать со мной какие-то неприемлемые вещи, я бы, конечно, внутри этой работы от них отказался. Но нет, он был тактичен, абсолютно ясен. И я очень много нового узнал.

Что же касается Паши Сафонова, то тут я попал как кур в ошпаренный суп. Паша сделал в Щукинском училище хороший спектакль «Прекрасные люди». И я предложил ему поставить это еще раз в Театре имени Р.Симонова, который я руковожу, с нашими артистами. Он признался, что ему будет неудобно перед своими товарищами, и тут же сделал мне встречное предложение: сыграйте Дорна в «Чайке».

Поскольку я был уже в контексте разговора, то не смог ему отказать. Потом были трудные репетиции. Я однажды смешно сформулировал своим коллегам Яковлеву и Макаковой: «То, что мы умеем, может не совпасть с тем, что они хотят». Честно говоря, я все время пытался уйти. Но Паша как-то ловко меня останавливал. А если еще учесть, что лично я очень плохо отношусь к Чехову...

— За что?!

— За все.

— Вы, пожалуй, единственный, кто в этом публично признается. — Может быть, и это меня удивляет. У меня много внутренних человеческих претензий. Мне кажется, человек, написавший «Спать хочется», — недобрый писатель. «Юноныч», «Ванька Жуков» — вообще жуткие вещи. Я уж не говорю о «Дочери Альбиона». И сам Дорн — тоже загадка. Если у Толстого все же есть светлые образы, то у Чехова, мне кажется, вообще ничего светлого не найти. И эта Заречная... Не пять пудов любви, а, извините, пять пудов безнравственности, если уж на то пошло. По-моему, неправильно делать из нее трагическую героиню. Может, Треплев и застрелился потому, что увидел, во что она превратилась. Но это, повторю, мои личные сче-ты.

Но сейчас я играю этот спектакль с удовольствием, потому что режиссер нашел какое-то человеческое проявление моего персонажа. В нашем Дорне есть и циничность, и некая растерянность. У Сафонова — другой взгляд, другой нюх, другие ассоциации. Но если вы меня спросите, захочу ли я с ним еще работать, я буду думать. Вот Макакова, не знаю, по какой причине, из нового спектакля Сафонова «Калигула» ушла. Что-то не совпало, вероятно. Но искать и пробовать я всегда готов с удовольствием.

— Что подвигло вас, достаточно востребованного артиста, практикующего режиссера, взвалить на себя бремя руководства Театром имени Р.Симонова?

— Тоже достаточно любопытная история. Основал театр, как известно, Евгений Симонов, который, к сожалению, даже не успел войти в это здание. Истинный рыцарь театра, он назвал его не своим именем, как теперь модно, а именем своего великого отца. Когда Евгения Рубеновича не стало, руководство подвизнического взял на себя Юрий Яковлев. Но, видимо, сил и времени не хватило. И тут же заговорили, что театр затухает. Сразу же сбегались многие режиссеры со своими труппами, желавшие завладеть зданием. Тогда артисты обратились ко мне. Как к другу Евгения Рубеновича, как к человеку, окончившему Высшие режиссерские курсы, не знаю. На размышления мне был дан один день, и я согласился.

Пришел в Правительство Москвы, а мне говорят, что этот театр собираются закрывать. Я удивился. Почему существуют «человеки», «полусферы» всякие, а театр, носящий имя великого Симонова, надо закрыть? Мне дали возможность попробовать. И за один год мы сделали пять премьер, получив ряд премий на различных фестивалях. И в какой-то момент я понял, что театр повернулся лицом к Москве. Сейчас его любят, туда ходят. Но подвигло меня на это, конечно, прежде всего имя Рубена Николаевича. Он все-таки мой крестный отец.

— У этого театра есть какие-то отличительные особенности? Что вы, как худрук, приветствуете, а что не приемлете?

— Одна особенность для меня прояснилась очень быстро — там первым номером идет артист, а не мишура. Да, можно было бы легко обнажить, показать одно место, другое, сделать какую-нибудь популярную шумовую штучку. Но нет. В российский театр сейчас полная вседозволенность. Это раньше комиссии приходили и решали, что нужно народу, а что нет. Сейчас мы отвечаем за вкус. И что хотите со мной делайте, может быть, я консерватор, но я за цензуру. Не ту, идеологическую, но художественную цензуру я бы наладил. Сейчас за границу вывозят такой! И су-

дят-то о нас по той культуре, которую мы там демонстрируем, а не по тому, что мы имеем здесь. А ведь все уже наелись чернухой, порнухой, матом, чего я, кстати, не допускаю в своем театре.

— Сейчас спектакля без крепкого словца и не сыщешь.

— Пусть. Но для нас это вещи запретные.

— В Театре имени Р.Симонова играют в основном молодые, не слишком известные актеры. Почему вы не идете на традиционную «раскрутку» театра, приглашая звезд в качестве приманки для публики?

— Конечно, я мог бы кого-то пригласить. Но это ведь еще и финансовая сторона. Я вот не могу понять, почему Дмитрий Певцов играет в Театре Луны.

— Ну, Луна не бедный театр.

— Наверное. У меня таких возможностей нет. Хотя я сейчас за скромные деньги приглашаю к нам вахтанговцев: Александра Павлова, Александра Рыщенкова, Дмитрия Кравцова, Михаила Воронцова, Елену Ивочкину. У нас в свое время играли Василий Лановой, Юрий Яковлев, Валерий Гаркалин, Лев Борисов, Евгений Карельских. Сегодня играет Анна Каменкова. Я играю, естественно. Как бы взбадриваем молодых. Но я принципиально считаю, что зритель должен узнать наших артистов. Они талантливые, интересные. И мне хочется именно их раскрутить. Да, конечно, у нас всего 150 мест, не хватает денег на телевизионную рекламу. Но «живая газета», которая, мне кажется, гораздо важнее любой рекламы, за нами не скажет, что несется, но уже идет.

— Вы нашли общий язык с новым русским кинематографом, пошли по сериальной стезе?

— Года два не было никаких предложений. А сейчас снимаюсь в четырех картинах сразу. Какой-то спрос вдруг появился. К сериалам в принципе отношусь плохо. Сценарии даже не дочитываю, только свою роль. Но сейчас же появился кинематограф другой. Снимаюсь у Аллы Суриковой в паре с Алисой Фрейндлих, у Юрия Кары в роли Эренбурга. Пусть небольшие роли, но это режиссеры-профессионалы. И понимаю, жутко жить артисту невостребованном. А поскольку я востребован, мне не хватает иногда мужества отказаться. Потом ведь могут сказать: а, этот Шалевич вообще ничего не хочет.

— Не кажется ли вам, что кино, впрочем, как и театр, сейчас находится во власти дилетантизма?

— Кажется. Ужас состоит в том, что, кому дают деньги, тот и снимает. С точки зрения результата, я вижу, что это зачастую очень блеклый кинематограф. И потом, опасный путь, что в конечном итоге актеров утверждаю не режиссеры, а продюсеры. А им нужны актеры определенного рейтинга, чтобы на них делать деньги. Я, например, пробовался на роль Брежнева, пробу повезли на утверждение продюсеру, в результате взяли Сергея Шакурова. Я не обижаясь, хотя раньше очень расстраивался. Другие правила игры, что поделаешь...

— В своих интервью вы часто признавались, что в юности считались хулиганом. А теперь вас называют не иначе как романтиком. Как произошла подобная трансформация?

— А что такое хулиган? Хулиган в детстве — это и есть романтик. Это протест. Я где считался хулиганом? В школе, когда протестовал против каких-то устоев, традиций. Меня, между прочим, в выпускном классе из школы выгнали за то, что я не отдал чести стоявшему в вестибюле бюсту Сталина. Директор за этим следил, а потому вызвал меня к себе и сказал: «Впереди аттестат зрелости. Он вручается при отличном поведении. Так вот, «отлично» по поведению я вам не поставлю». Я понял, что он меня выгоняет, и не пришел на экзаменационное сочинение. Меня ждали, думали, что я повинюсь. А я не пришел. Уже потом, где-то на Арбате, меня подхватил бывший наш директор, который нежно ко мне относился. И школу я заканчивал уже у него.

— Где же вы научились дисциплине и компромиссам?

— Я помню, как меня этому научил Борис Захава, уже в Щукинском училище. Когда случился XX съезд партии со знаменитым докладом Хрущева, к нам пришла комиссия, устроили комсомольское собрание и предложили все это «поддержать». А что поддерживать, когда мы доклад не читали? Ну и не надо, говорят. И тогда я закричал: «Вы уподобляйтесь Хрущеву, который велел венгерским студентам учиться и помалкивать!» Собрание тут же закрыли, стали искать бунтовщиков. Я иду на эту комиссию, встречаю Захаву, «Шалевич, вы хотите быть артистом?» — «Конечно» — «Какое самое главное правило для артиста?» — «Ну, наверное, вера в обстоятельства». — «Шалевич, вы — дурак!». Пауза, а потом: «Вы меня поняли?» Стали выяснять, кто что сказал. Дошли до меня, я говорю: «Я не помню!» — «Как так?» — «А я — дурак!». Они поворачиваются к Захаве, он весь красный сидит и головой кивает. Так и распалась комиссия, никого не нашли, кроме одного дурака. Это была великая школа для меня.

Другой был случай. Я дружил со спортсменами во время съемок фильма «Хоккеисты». На сборах им давали смотреть запрещенные фильмы, которые мы «случайно» заходили в Вахтанговский театр и ночью показывали. Я стоял на входе, пропускал только своих, но все равно слух пошел. В кабинете директора раздался звонок: «У вас показывают запрещенное кино?» Я взял трубку и сказал: «Это я, дурак, так сделал, больше не буду». На том конце трубку бросили и дела не завели, хотя сначала собирались. Так что хулиганство хулиганству рознь.

— Но романтизм сегодня — неактуальное понятие.

— Да. Не знаю, вот я выбрал пьесу «Старые русские» Бориса Рацера. Все знают, что Рацер и Константинов — это советский Голливуд. Но когда я прочел эту пьесу, мне показалось, что там есть тема очень любопытная. Два артиста пенсионного возраста встречаются с двумя девушками из сегодняшнего мира. И, как наивные романтики, поверив им, в результате получают свой урок. Действительно, этот спектакль сейчас идет очень интересно. И даже в день своего юбилея я буду играть именно его, потому что в Вахтанговском театре специально для меня спектакля не сделали. Там есть тема ранимости, достоинства, воспитания, которые были присущи нашему времени.

— Вы фанатик своей профессии, или в вашей жизни существуют более значимые вещи?

— Конечно, фанатик. Я вообще считаю, если всевозвек к этой профессии не относиться, ничего не получится. Если я чем-то увлекался, то все равно это было связано с профессией. Да, я фанатик. Меня оставили дома с дочкой на несколько часов. Я очень дисциплинированно себя с ней вел, но, когда жена вернулась, сказал: «Нет, мне легче спектакль сыграть». Но это ведь не мой эгоистичный фанатизм. Этого дела требуют. Легкомыслие по отношению к нашей профессии недопустимо.

— Не обижаетесь ли на это ваши близкие?

— Наверное, об этом надо у них спросить. Мне кажется, они, слава Богу, это понимают. Да, конечно, на семью времени не хватает. Когда я репетирую и что-то не получается, я мучаюсь, тогда ко мне лучше не подходить. Я могу где-то запереться, думать. Но это происходит, и мы радуемся все вместе. Ведь человек, который тебе нужен и которому нужен ты, понимаешь, в чем дело. Если этого не происходит, начинаются разводы и прочие не слишком приятные вещи, которых было много и в моей жизни. К сожалению или к счастью, но мы не служим с половиной девятого до половины шестого. Я даже ночами просыпаюсь, встаю, что-то записываю. И в этом тоже особенность нашей профессии, это надо понимать.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ